

Александр Блок

Интеллигенция и Революция

"Россия гибнет", "России больше нет", "вечная память России", слышу я вокруг себя.

Но передо мной - Россия: та, которую видели в устрашающих и пророческих снах наши великие писатели; тот Петербург, который видел Достоевский; та Россия, которую Гоголь назвал несущейся тройкой.

Россия - буря. Демократия приходит "опоясанная бурей", говорит Карлейль.

России суждено пережить муки, унижения, разделения; но она выйдет из этих унижений новой и - по-новому - великой.

В том потоке мыслей и предчувствий, который захватил меня десять лет назад, было смешанное чувство России: тоска, ужас, покаяние, надежда.

То были времена, когда царская власть в последний раз достигла, чего хотела: Витте и Дурново скрутили революцию веревкой; Столыпин крепко обмотал эту веревку о свою нервную дворянскую руку. Столыпинская рука слабела. Когда не стало этого последнего дворянина, власть, по выражению одного весьма сановного лица, перешла к "поденщикам"; тогда веревка ослабла и без труда отвалилась сама.

Все это продолжалось немного лет; но немногие годы легли на плечи как долгая, бессонная, наполненная призраками ночь.

Распутин - всё, Распутин - всюду; Азефы разоблаченные и неразоблаченные; и, наконец, годы европейской бойни; казалось минуте, что она очистит воздух; казалось нам, людям чрезмерно впечатлительным; на самом деле она оказалась достойным венцом той лжи, грязи и мерзости, в которых купалась наша родина.

Что такое война?

Болота, болота, болота; поросшие травой или занесенные снегом; на западе - унылый немецкий прожектор - шарит - из ночи в ночь; в солнечный день появляется немецкий фоккер; он упрямо летит одной и той же дорожкой; точно в самом небе можно протоптать и загадить дорожку; вокруг него разбегаются дымки: белые, серые, красноватые (это мы его обстреливаем, почти никогда не попадая; так же, как и немцы - нас); фоккер стесняется, колеблется, но старается держаться своей поганой дорожки; иной раз методически сбросит бомбу; значит, место, куда он целит, истыкано на карте десятками рук немецких штабных; бомба упадет иногда - на кладбище, иногда - на стадо скотов, иногда - на стадо людей; а чаще, конечно, в болото; это - тысячи народных рублей в болоте.

Люди глазеют на все это, изнывая от скуки, пропадая от безделья; сюда уже успели перетаскать всю гнусность довоенных квартир: измены, картеж, пьянство, ссоры, сплетни.

Европа сошла с ума: цвет человечества, цвет интеллигенции сидит годами в болоте, сидит с убеждением (не символ ли это?) на узенькой тысячеверстной полоске, которая называется "фронт".

Люди - крошечные, земля - громадная. Это вздор, что мировая война так заметна: довольно маленького клочка земли, опушки леса, одной полянки, чтобы уложить сотни трупов людских и лошадиных. А сколько их можно свалить в небольшую яму, которую скоро затянет трава или запорошит снег! Вот одна из осязаемых причин того, что "великая европейская война" так убога.

Трудно сказать, что тошнотворнее: то кровопролитие или то безделье, та скука, та пошлятина; имя обоим - "великая война", "отечественная война", "война за освобождение угнетенных народностей", или как еще? Нет, под этим знаком - никого не освободишь.

Вот, под игом грязи и мерзости запустения, под бременем сумасшедшей скуки и бессмысленного безделья, люди как-то рассеялись, замолчали и ушли в себя: точно сидели под колпаками, из которых постепенно выкачивался воздух. Вот когда действительно хамело человечество, и в частности - российские патриоты.

Поток предчувствий, прошумевший над иными из нас между двух революций, также ослабел, заглох, ушел где-то в землю. Думаю, не я один испытывал чувство болезни и тоски в годы 1909 - 1916. Теперь, когда весь европейский воздух изменен русской революцией, начавшейся "бескровной идиллией" февральских дней и растущей безостановочно и грозно, кажется иногда, будто и не было тех недавних, таких древних и далеких годов; а поток, ушедший в землю, протекавший бесшумно в глубине и тьме, - вот он опять шумит, и в шуме его - новая музыка.

Мы любили эти диссонансы, эти ревы, эти звоны, эти неожиданные переходы... в оркестре. Но, если мы их *действительно любили*, а не только щекотали свои нервы в людном театральном зале после обеда, мы должны слушать и любить те же звуки теперь, когда они вылетают из мирового оркестра; и, слушая, понимать, что это - о том же, все о том же.

Музыка ведь не игрушка; а та *бестия*, которая полагала, что музыка - игрушка, - и веди себя теперь как бестия: дрожи, пресмыкайся, береги свое добро!

Мы, русские, переживаем эпоху, имеющую немного равных себе по величию. Вспоминаются слова Тютчева:

Блажен, кто посетил сей мир
В его минуты роковые,
Его призвали всеблагие,
Как собеседника на пир,
Он их высоких зрелищ зритель...

Не дело художника - смотреть за тем, как исполняется задуманное, печься о том, исполнится оно или нет. У художника - все бытовое, житейское, быстро сменяющееся - найдет свое выражение потом, когда перегорит в жизни. Те из нас, кто уцелеет, кого не "изомнет с налету вихорь шумный", окажутся властителями неисчислимых духовных сокровищ. Овладеть ими, вероятно, сможет только новый гений, пушкинский Арион; он, "выброшенный волною на берег", будет петь "прежние гимны" и "ризу влажную свою" сушить "на солнце, под скалою".

Дело художника, *обязанность* художника - видеть то, что задумано, слушать ту музыку, которой гремит "разорванный ветром воздух".

Что же задумано?

Переделать все. Устроить так, чтобы все стало новым; чтобы лживая, грязная, скучная, безобразная наша жизнь стала справедливой, чистой, веселой и прекрасной жизнью.

Когда *такие* замыслы, искони таящиеся в человеческой душе, в душе народной, разрывают сковывавшие их путы и бросаются бурным потоком, доламывая плотины, обсыпая лишние куски берегов, это называется революцией. Меньшее, более умеренное, более низменное - называется мятежом, бунтом, переворотом. Но *это* называется *революцией*.

Она сродни природе. Горе тем, кто думает найти в революции исполнение только своих мечтаний, как бы высоки и благородны они ни были. Революция, как грозной вихрь, как снежный буран, всегда несет новое и неожиданное; она жестоко обманывает многих; она легко калечит в своем водовороте достойного; она часто выносит на сушу невредимыми недостойных; но - это ее частности, это не меняет ни общего направления потока, ни того грозного и оглушительного гула, который издает поток. Гул этот, все равно, всегда - *о великом*.

Размах русской революции, желающей охватить весь мир (меньшего истинная революция желать не может, исполнится это желание или нет, - гадать не нам), таков: она лелеет надежду поднять мировой циклон, который донесет в заметенные снегом страны - теплый ветер - и нежный запах апельсиновых роц; увлажнит спаленные солнцем степи юга - прохладным северным дождем.

"Мир и братство народов" - вот знак, под которым проходит русская революция. Вот о чем ревет ее поток. Вот музыка, которую имеющий уши должен слышать.

Русские художники имели достаточно "предчувствий и предвестий" для того, чтобы ждать от России именно таких заданий. Они никогда не сомневались в том, что Россия - большой корабль, которому суждено большое плаванье. Они, как и народная душа, их вспоившая,

никогда не отличались расчетливостью, умеренностью, аккуратностью: "все, все, что гибелью грозит", таило для них "неизъяснимы наслажденья" (Пушкин). Чувство неблагополучия, незнание о завтрашнем дне, сопровождало их повсюду. Для них, как для народа, в его самых глубоких мечтах, было *все или ничего*. Они знали, что только о прекрасном стоит думать, хотя "прекрасное трудно", как учил Платон.

Великие художники русские - Пушкин, Гоголь, Достоевский, Толстой - погружались во мрак, но они же имели силы пребывать и таиться в этом мраке: ибо они верили в свет. Они знали свет. Каждый из них, как весь народ, выносивший их под сердцем, скрежетал зубами во мраке, отчаянье, часто - злобе. Но они знали, что, рано или поздно, *все будет по-новому*, потому что *жизнь прекрасна*.

Жизнь прекрасна. Зачем жить тому народу или тому человеку, который втайне разуверился во всем? Который разочаровался в жизни, живет у нее "на подаянии", "из милости"? Который думает, что жить "не особенно плохо, но и не очень хорошо", ибо "все идет своим путем": путем... эволюционным; люди же так вообще плохи и несовершенны, что дай им только бог прокряхтеть свой век кое-как, сколачиваясь в общества и государства, ограждаясь друг от друга стенками прав и обязанностей, условных законов, условных отношений...

Так думать не стоит; а тому, кто так думает, ведь и жить не стоит. Умереть легко: умереть можно безболезненно; сейчас в России - как никогда: можно даже без попа; поп не обидит отпевальной взяткой...

Жить стоит только так, чтобы предъявлять безмерные требования к жизни: все или ничего; ждать неожиданного; верить не в "то, чего нет на свете", а в то, что должно быть на свете; пусть сейчас этого нет и долго не будет. Но жизнь отдаст нам это, ибо она - *прекрасна*.

Смертельная усталость сменяется животной бодростью. После крепкого сна приходят свежие, умытые сном мысли; среди бела дня они могут показаться *дурацкими*, эти мысли. Лжет белый день.

Надо же почуять, откуда плывут такие мысли. Надо вот сейчас понять, что народ русский, как Иванушка-дурачок, только что с кровати схватился и что в его мыслях, для старших братьев если не враждебных, то дурацких, есть великая творческая сила.

Почему "учредилка"? (Между прочим, это вовсе не так обидно. У крестьян есть обычное - "потребилка".) - Потому, что мы сами рядили о "выборных агитациях", сами судили чиновников за "злоупотребления" при этих агитациях; потому, что самые цивилизованные страны (Америка, Франция) сейчас захлебнулись в выборном мошенничестве, выборном взяточничестве

Потому, что (я по-дурачки) самому все хочется "проконтролировать", сам все хочу, не желаю, чтоб меня "представляли" (в этом - великая жизненная сила: сила Фомы Неверного); потому еще, что некогда в многоколонном зале раздастся трубный голос весьма сановного лица: "Законопроект такой-то в тридцать девятом чтении отклоняется"; в этом трубном голосе будет такой тупой, такой страшный сон, такой громовой зевок "организованной общественности", такой ужас без имени, что опять и опять наиболее чуткие, наиболее музыкальные из нас (русские, французы, немцы - все одинаково) бросятся в "индивидуализм", в "бегство от общественности", в глухую и одинокую ночь. Потому, наконец, что бог один ведает, как выбирала, кого выбирала, куда выбирала неграмотная Россия сегодняшнего дня; Россия, которой нельзя втолковать, что Учредительное Собрание - не царь.

Почему "долой суды"? - Потому, что есть томы "уложений" и томы "разъяснений", потому, что судья-барин и "аблакат"-барин толкуют промеж себя о "деликте"; происходит "судоговорение"; над несчастной головой *жулика* оно происходит. Жулик - он жулик и есть; уж согрешил, уж потерял душу; осталась одна злоба или одни покаянные слезы: либо удрать, либо на каторгу; только бы с глаз долой. Чего же еще над ним, напакотившим, измываться?

Либерального "аблаката" описал Достоевский; Достоевского при жизни травили, а после смерти называли "певцом униженных и оскорбленных". Описал еще то, о чем я говорю, Толстой. А кто обносил решоточкой могилу этого чудака? Кто теперь голосит о том, как бы над этой могилой не "надругались"? А почему вы знаете, может быть, рад бы был Лев Николаевич, если б на его могиле поплевали и побросали окурков? Плевки - Божьи, а решоточка - не особенно.

Почему дырявят древний собор? - Потому, что сто лет здесь ожиревший поп, икая, брал взятки и торговал водкой.

Почему гадят в любезных сердцу барских усадьбах? - Потому, что там насиловали и пороли девок: не у того барина, так у соседа.

Почему валят столетние парки? - Потому, что сто лет под их 'развесистыми липами и кленами господа показывали свою власть: тыкали в нос нищему - мощной, а дураку - образованностью. Всё так.

Я знаю, что говорю. Конем этого не объедешь. Замалчивать этого нет возможности; а все, однако, замалчивают.

Я не сомневаюсь ни в чьем личном благородстве, ни в чьей личной скорби; но ведь за прошлое - отвечаем мы? Мы - звенья единой цепи. Или на нас не лежат грехи отцов? - Если этого не чувствуют все, то это должны чувствовать "лучшие".

Не беспокойтесь. Неужели может пропасть хоть крупинка истинно-ценного? Мало мы любили, если трусим за любимое. "Совершенная любовь изгоняет страх". Не бойтесь разрушения кремлей, дворцов, картин, книг. Беречь их для народа надо; но, потеряв их, народ не все потеряет. Дворец разрушаемый - не дворец. Кремль, стираемый с лица земли, - не кремль. Царь, сам свалившийся с престола, - не царь. Кремли у нас в сердце, цари - в голове. Вечные формы, нам открывшиеся, отнимаются только вместе с сердцем и с головой.

Что же вы думали? Что революция - идиллия? Что творчество ничего не разрушает на своем пути? Что народ - паинька? Что сотни обыкновенных жуликов, провокаторов, черносотенцев, людей, любящих погреть руки, не постараются ухватить то, что плохо лежит? И, наконец, что так "бескровно" и так "безболезненно" и разрешится вековая распря между "черной" и "белой" костью, между "образованными" и "необразованными", между интеллигенцией и народом?

Не вас ли надо будить теперь от "векового сна"? Не вам ли надо крикнуть: "Noli tangere circulos meos" ("Не тронь моих кругов" (лат.))? Ибо вы мало любили, а с вас много спрашивается, больше, чем с кого-нибудь. В вас не было этого хрустального звона, этой музыки любви, вы оскорбляли художника - пусть художника, - но через него вы оскорбляли самую душу народную. Любовь творит чудеса, музыка завораживает зверей. А вы (все мы) жили без музыки и без любви. Лучше уж молчать сейчас, если нет музыки, не слышат музыки. Ибо все, кроме музыки, все, что без музыки, всякая "сухая материя" - сейчас только разбудит и озлит зверя. До человека без музыки сейчас достучаться нельзя.

А лучшие люди говорят: "Мы разочаровались в своем народе"; лучшие люди ехидничают, надмеваются, злобствуют, не видят вокруг ничего, кроме хамства и зверства (а человек - тут, рядом); лучшие люди говорят даже: "никакой революции и не было"; те, кто места себе не находил от ненависти к "царизму", готовы опять броситься в его объятия, только бы забыть то, что сейчас происходит; вчерашние "пораженцы" ломают руки над "германским засильем", вчерашние "интернационалисты" плачутся о "Святой Руси"; безбожники от рождения готовы ставить свечки, молясь об одолении врага внешнего и внутреннего.

Не знаю, что страшнее: красный петух и самосуды в одном стане или эта гнетущая немзыкальность - в другом?

Я обращаюсь ведь к "интеллигенции", а не к "буржуазии". Той никакая музыка, кроме фортепьян, не снилась. Для той все очень просто: "в ближайшем будущем наша возьмет", будет "порядок", и все - по-старому; гражданский долг заключается в том, чтобы беречь добро и шкуру; пролетарии - "мерзавцы"; слово "товарищ" - ругательное; свое уберег - и сутки прочь: можно и посмеяться над дураками, задумавшими всю Европу взбаламутить, потрясти брюхом, благо удалось урвать где-нибудь лишний кусок.

С этими не поспоришь, ибо дело их - бесспорное: брюшное дело. Но ведь это - "полупросвещенные" или совсем "непросвещенные" люди; слышали они разве только о том, что нахрюкали им в семье и школе. Что нахрюкали, то и спрашивается:

Семья: "Слушайся папу и маму". "Прикапливай деньги к старости". "Учись, дочка, играть на рояли, скоро замуж выйдешь". "Не играй, сынок, с уличными мальчишками, чтобы не опорочить родителей и не изорвать пальто".

Низшая школа: "Слушайся наставников и почитай директора". "Ябедничай на скверных мальчишек". "Получай лучшие отметки". "Будь первым учеником". "Будь услужлив и угодлив". "Паче всего - закон божий".

Средняя школа: "Пушкин - наша национальная гордость". "Пушкин обожал царя". "Люби царя и отечество". "Если не будете исповедоваться и причащаться, вызовут родителей и сбавят за поведение". "Замечай за товарищами, не читает ли кто запрещенных книг". "Хорошенькая горничная - гы".

Высшая школа: "Вы - соль земли". "Существование Бога доказать невозможно". "Человечество движется по пути прогресса, а Пушкин воспевал женские ножки". "Вам еще рано принимать участие в политической жизни". "Царю показывайте кукиш в кармане". "Заметьте, кто говорил на сходке".

Государственная служба: "Враг внутренний есть студент". "Бабенка недурна". "Я тебе покажу, как рассуждать". "Сегодня придет его превосходительство, всем быть на местах". "Следите за Ивановым и доложите мне".

Что спрашивать с того, кто все это добросовестно слушал и кто всему этому поверил? Но ведь интеллигенты, кажется, "переоценили" все эти ценности? Им приходилось ведь слышать и другие слова? Ведь их просвещали наука, искусство и литература? Ведь они пили из источников не только загаженных, но также - из источников прозрачных и головокружительно бездонных, куда взглянуть опасно и где вода поет неслыханные для непосвященных песни?

У буржуа - почва под ногами определенная, как у свиньи - навоз: семья, капитал, служебное положение, орден, чин, бог на иконе, царь на троне. Вытащи это - и все полетит вверх тормашками.

У интеллигента, как он всегда хвалился, такой почвы никогда не было. Его ценности невещественны.

Его царя можно отнять только с головой вместе. Уменьше, знание, методы, навыки, таланты - имущество кочевое и крылатое. Мы бездомны, бессемейны, бесчинны, нищи, - что же нам терять?

Стыдно сейчас надмеваться, ухмыляться, плакать, ломать руки, ахать над Россией, над которой пролетает революционный циклон.

Значит, рубили тот сук, на котором сидели? Жалкое положение: со всем сладострастьем ехидства подкладывали в кучу отсыревших под снегами и дождями коряг - сухие полешки, стружки, щепочки; а когда пламя вдруг вспыхнуло и взвилось до неба (как знамя), - бегать кругом и кричать: "Ах, ах, сгорим!"

Я не говорю о политических деятелях, которым "тактика" и "момент" не позволяют показывать душу. Думаю, не так уж мало сейчас в России людей, у которых на душе весело, которые хмурятся по обязанности.

Я говорю о тех, кто политики не делает; о писателях, например (если они делают политику, то грешат против самих себя, потому что "за двумя зайцами погонишься - ни одного не поймашь": политики не сделают, а свой голос потеряют). Я думаю, что не только право, но и обязанность их состоит в том, чтобы быть нетактичными, "бестактными": слушать ту великую музыку будущего, звуками которой наполнен воздух, и не выискивать отдельных визгливых и фальшивых нот в величавом реве и звоне мирового оркестра.

Русской интеллигенции - точно медведь на ухо наступил: мелкие страхи, мелкие словечки. Не стыдно ли издеваться над безграмотностью каких-нибудь объявлений или писем, которые писаны доброй, но неуклюжей рукой? Не стыдно ли гордо отмалчиваться на "дурацкие" вопросы? Не стыдно ли прекрасное слово "товарищ" произносить в кавычках?

Это - всякий лавочник умеет. Этим можно только озлобить человека и разбудить в нем зверя.

Как аукнется - так и откликнется. Если считаете всех жуликами, то одни жулики к вам и придут. На глазах - сотни жуликов, а за глазами - миллионы людей, пока "непросвещенных", пока "темных". Но просветятся они не от вас.

Среди них есть такие, которые сходят с ума от самосудов, не могут выдержать крови, которую пролили в темноте (своей); такие, которые бьют себя кулаками по несчастной голове: мы - глупые, мы понять не можем; а есть и такие, в которых еще спят творческие силы; они могут в

будущем сказать такие слова, каких давно не говорила наша усталая, несвежая и кцижная литература.

Надменное политиканство - великий грех. Чем дольше будет гордиться и ехидствовать интеллигенция, тем страшнее и кровавее может стать кругом. Ужасна и опасна эта эластичная, сухая, невкусная "адогматическая догматика", приправленная снисходительной душевностью. За душевностью - кровь. Душа кровь притягивает. Бороться с ужасами может лишь дух. К чему загораживать душевностью пути к духовности? Прекрасное и без того трудно.

А дух есть музыка. Демон некогда повелел Сократу слушаться духа музыки.

Всем телом, всем сердцем, всем сознанием - слушайте Революцию.

9 января 1918